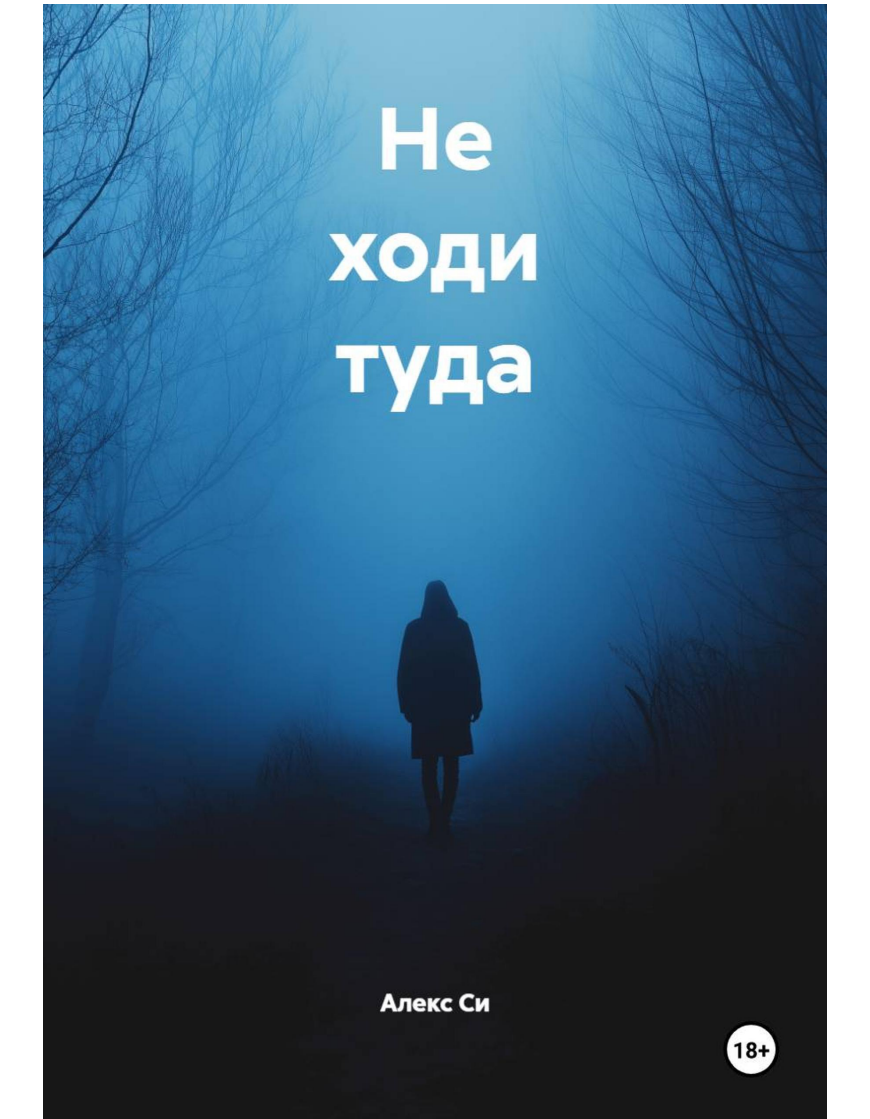

A person in a dark coat is walking away from the viewer down a path in a misty, blue-toned forest. Bare trees are visible on either side of the path, and the overall atmosphere is mysterious and somber.

Не ХОДИ туда

Алекс Си

18+

Алекс Си

Не ходи туда

<https://litres.ru/74669427>

SelfPub; 2026

Аннотация

В белорусском Полесье есть места, куда не ходят даже местные. Антоновский лес, из которого в мае девяносто седьмого не вернулся целый выпускной класс. Глухое озеро, которого нет ни на одной карте. Лесная хижина, где встречают Новый год кровью. И деревня, где в людей вселяется нечистый.

Четыре выживших попадают в одну палату жёлтого дома — загородной лечебницы на краю Полесья. Каждый принёс с собой свою историю, и каждый повторяет одни и те же слова: не ходи туда.

Эти истории записал егерь дядя Гриша — человек, который сам однажды нарушил все три правила Полесья и теперь записывает чужие свидетельства, чтобы понять, как нарушить четвёртое.

Содержание

Полесские истории ужаса	4
ПРОЛОГ. ЗАПИСКИ ЕГЕРЯ	4
ЛЕС	6
Глава 1. Последний звонок девяносто седьмого	6
Глава 2. Свадьба червей	10
Глава 3. Багровое гнездо	15
Глава 4. Хозяева леса	21
Глава 5. Граница	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Алекс Си

Не ходи туда

Полесские истории ужаса

ПРОЛОГ. ЗАПИСКИ ЕГЕРЯ

Меня зовут Григорий. Сорок два года я егерю в Антоновском лесу, и за эти годы я так и не научился объяснять горожанам то, что здесь говорят старики. У Полесья три правила. Первое: после заката в глушь не ходи. Второе: если вода молчит — уходи от воды. Третье: если ночью в дверь постучали — не отвечай.

В журналах про это пишут «суеверие». Я тоже так считал. До мая девяносто седьмого считал.

Всё, что вы прочтёте ниже, записано со слов выживших. Андрей говорил со мной на крыльце собственного дома — днём, при людях. Максим рассказывал по телефону из закрытого отделения. Женю я вытащил из хижины сам — дверь выломал я. Толя сидит в палате и говорит с соседом. Про четвертую историю и говорить нечего: её знает вся округа.

Где рассказчик молчал — там я дописал сам. И если где-

то у меня вышло не правда, а правдоподобие — это моя вина, не их. Я не умею лгать за тех, кто видел то, что видел я. Но умею за тех, кто видел меня.

Только одно я попрошу запомнить, пока будете листать эти записки: все четыре истории заканчиваются одинаково. Не тем, чем их рассказывают. Тем, чем их рассказали бы твари. А твари говорят коротко: не ходи туда.

.....

Эту историю Андрей рассказал мне на крыльце своего дома — днём, при соседях. Он говорил ровно, как заученное, и только когда дошёл до мая девяносто седьмого, руки начали дрожать. Михай, его лучший друг, подтвердил каждое слово. А потом они оба замолчали и не сказали про то, что было после. Вот что было.

ЛЕС

Глава 1. Последний звонок девятиного седьмого

Май 1997 года выдался аномально жарким. Воздух в школьных коридорах, казалось, застыл, пропитавшись запахом свежей половой краски, мела и дегтярного мыла. Окна в кабинете математики были распахнуты настежь, но с улицы доносилось лишь ленивое гудение шмелей да далекий, надрывный гул бензопилы с местной лесопилки.

Меня зовут Андрей, и в тот год я заканчивал одиннадцатый класс. До финишной прямой оставались считанные дни: последний звонок, суэта в актовом зале, выпускные экзамены и, наконец, сам выпускной, который наш класс твердо решил отметить так, чтобы запомнить на всю оставшуюся жизнь. План зрел давно и казался идеальным — уйти на несколько дней с палатками в глухой полесский лес. Подальше от строгих родительских глаз, душных деревенских переудов и школьных учителей. Туда, где нам никто не сможет помешать.

И вот, экзаменационная лихорадка осталась позади. Билеты по геометрии и истории сданы, аттестаты уже ждали

своего часа в кабинете директора, а впереди простиралось бескрайнее, свободное лето. К походу мы готовились как к настоящей военной операции. Скинулись всем классом, через Колькиного старшего брата раздобыли в сельмаге ящик дешевой водки, набрали консервов, хлеба и немудреной закуски.

Где-то в середине дня, когда солнце пекло сильнее всего, наша колонна наконец двинулась из деревни. Нас было ровно двадцать человек: десять парней и десять девчонок. Шумная, веселая толпа с тяжелыми брезентовыми рюкзаками за плечами и гитарой наперевес.

Мы шли по лесу, выбирая место для гулянки, весело шагая по разбитой тракторной колее. Высокие вековые сосны надежно укрыли нас от палящего зноя, а под ногами мягко хрустела сухая хвоя.

— Ну что, народ? Какие планы на вечер? Чем заниматься-то будем? — громко спросил я, поправляя врезающуюся в плечо лямку рюкзака.

— Ууу, Андрюха, поверь мне, мы найдем чем заняться! — прямо над моим ухом раздался знакомый хриплый хохот, и мне на плечо тяжело упала татуированная рука Михея.

Михей был моим лучшим другом еще с первого класса, когда мы подрались из-за одной парты, да так и остались неразлейвода. Учился он, мягко говоря, средне — перебивался с двойки на тройку, вечно ходил с разбитыми костяшками пальцев и числился в главных деревенских хулиганах.

Но парень он был надежный, преданный и, в отличие от меня, обладал каким-то сумасшедшим успехом у противоположного пола.

— Спокойно, Михей, — усмехнулся я, пихнув его локтем в бок. — То, о чем ты сейчас думаешь, начнется только ночью, когда костер догорит. А сейчас нам лагерь разбивать надо.

— Ну, не знаю, как ты, а я лично пошел готовить плацдарм для посадки! — Михей подмигнул мне, поправил щегольскую кепку и прибавил шагу, направляясь к стайке девчонок, шедших чуть впереди. — Девчата, не тяжело ли вам? Могу подсобить!

— Эй, подожди, я с тобой! — крикнул я и поспешил за ним.

Мы подлетели к девушкам. Сердце у меня глухо застучало в груди, когда я поравнялся с идущей чуть в стороне рыжеволосой девушкой в легкой блузке.

— Оля... тебе это, не холодно? А то в тени деревьев свежо. Если надо, я могу и согреть, — буркнул я, чувствуя, как уши предательски наливаются пунцовой краской.

Оля была для меня самой красивой девчонкой в классе — и самой недостижимой. Начиная с пятого класса она сидела за партой прямо передо мной, и все эти годы я не мог оторвать взгляда от ее тонкой шеи и шелковистых волос. Я был влюблен в нее до беспамятства, тайно, глупо и безответно.

Оля остановилась, медленно повернула ко мне свое кра-

сивое, безупречное лицо, окинула равнодушным взглядом мою взъерошенную фигуру и сухо бросила:

— Отстань, Андрей. Не до тебя сейчас.

Короткое, как выстрел, слово. Меня будто ушатом ледяной воды окатило. Я сник, опустил голову и замолчал. В который раз я убеждался: с девушками мне категорически, катастрофически не везло.

Зато у моего приятеля всё шло как по маслу. Пока я переживал очередной любовный крах, Михей уже вовсю увлекся поцелуем с Машенькой. Они целовались так страстно и самозабвенно прямо посреди тропы, что даже отстали от остального класса метров на двадцать.

— Давай газуй, потеряем вас! — крикнул я, пытаюсь заглушить обиду в голосе.

Михей, ничуть не смутившись, с легким смехом подхватил Машеньку на руки, словно она ничего не весила, и размашистым шагом помчался догонять нашу колонну. Догнав ребят, он бережно опустил покрасневшую девчонку на землю, и мы двинулись дальше, углубляясь в самую чащу Полесского леса. Туда, откуда нам уже не суждено было вернуться прежними.

Глава 2. Свадьба червей

Минут через пятнадцать мы наконец вышли на просторную, скрытую от чужих глаз поляну. Место было идеальным: кольцо вековых сосен надежно защищало от ветра, рядом журчал чистый лесной ручей, а прямо по центру чернело старое, обложенное камнями кострище. Парни дружно сбросили рюкзаки и принялись за работу — рубили лапник, ставили тяжелые брезентовые палатки и собирали хворост. Девчонки тем временем расстелили на траве огромную клеенку, соорудив импровизированный стол, и начали нарезать домашнее сало, хлеб и вскрывать банки с тушенкой.

Началось то, чего мы с нетерпением ждали целый год. Костер весело затрещал, взмывая искрами в темнеющее вечернее небо. Бутылки пошли по кругу. После третьего захода на водку скованность окончательно испарилась. В полумраке, под хриплые аккорды гитары, руки пацанов начали неспешно гладить своих соседок. Вскоре, разбившись по парам, одноклассники стали расходиться по темноте — кто в палатки, кто поглубже в кусты. Наш главный ловелас Михей и вовсе умудрился уйти сразу с двумя девчонками.

Только я остался сидеть у затухающего костра в полном одиночестве.

В моей голове кружились серые, тоскливые мысли. Алкоголь не принес радости, а лишь обострил обиду. Мне было

невыносимо больно смотреть, как Оля — та самая недосыгаемая Оля — ушла в темноту, обняв за талию Коляна. А я... я оказался не способен даже просто поцеловать ее. Я смотрел на угли и думал о своем будущем. Что ждет меня после университета? Какая она, вся моя жизнь? Так, в глухих размышлениях, я провел несколько часов, пока глаза не начали слипаться сами собой. Прямо у костра, подстелив под бок старую куртку, я провалился в тяжелый, душный сон.

И мне приснился кошмар.

Будто была свадьба. Огромная, залитая ослепительным светом церковь. Я — жених, в строгом черном костюме. Оля — моя невеста. пышное белое платье невероятно шло ей, подчеркивая хрупкую фигуру. Из-под густой, тяжелой фаты выбилась единственная прядь — рыжая, точь-в-точь та, какую Оля всегда прятала за ухо. Лица под фатой по-прежнему не было видно. Мы медленно шли по ковровой дорожке к алтарю. Вокруг сидели сотни гостей — все наши одноклассники, учителя, родственники. Их лица расплывались в неестественно широких, застывших улыбках.

Мы подошли к священнику. Что он говорил, я не помню, в ушах стоял какой-то странный, монотонный гул. Помню только, как в нужный момент я уверенно сказал: «Да». Оля ответила тем же — ее голос прозвучал как-то глухо, со странным эхом. Священник торжественно поднял руки и разрешил мне поцеловать невесту.

Я протянул дрожащие руки и медленно поднял фату...

В ту же секунду мне в лицо ударила волна такого жуткого, удушливого смрада, что закружилась голова. Я в ужасе отшатнулся. Вместо лица Оли я увидел то, от чего наяву потерял бы сознание. Всё ее лицо было покрыто трупными струпами, кожа позеленела и заживо загнивала, кусками отваливаясь от челюсти. Из пустых, темных глазниц медленно текла мутная сукровица, а из приоткрытого рта вместе с черной жижей лезли жирные, копошащиеся могильные черви.

Самое страшное — гости этого не замечали. Их застывшие улыбки превратились в оскалы, и они безумно, оглушительно закричали: «Горько! Горько!» Я попытался развернуться и бежать, но ноги стали ватными, не слушаясь команд разума. Я с грохотом упал на каменный пол церкви. Гниющая невеста медленно наклонилась надо мной, потянув свои костлявые руки к моему лицу, собираясь подарить мертвый поцелуй. Черви посыпались мне на грудь.

Тут я не выдержал и заорал что есть мочи, срывая головные связки.

— Эй, Андрюха! Да проснись ты! Проснись, черт тебя дерит! — чьи-то крепкие руки сильно затрясли меня за плечи.

Я сел, тяжело дыша и обливаясь холодным потом. Внутри гудело, как в пустой бочке, и рубашка прилипла к спине. Вокруг по-прежнему стояла глухая лесная ночь, а надо мной, нахмурившись, на корточках сидел Михей. В руке он держал фонарик.

— А? Что?.. — я дико озираясь по сторонам, все еще не

понимая, что весь этот ад был лишь сном. На губах как будто до сих пор оставался привкус тлена.

— Ты так орал на весь лес, что я думал, тебя волки жрут,
— Михей выдохнул и присел рядом на бревно. — Что случилось-то?

— Ничего... — я вытер пот со лба дрожащей ладонью. — Просто кошмар приснился. Свадьба какая-то дурная.

— А, ну понятно, — Михей хмыкнул и протянул мне фляжку. — На, глотни для успокоения.

Я сделал крупный глоток, чувствуя, как огненная жидкость обжигает горло, немного протрезвляя мысли.

— А ты чего сам здесь? — спросил я, возвращая флягу. — Ты же вроде с девчонками уходил? Неужто не обломилось ничего?

— Да не поверишь, Андрюха, — Михей недовольно сплюнул в костер. — Сидели, всё нормально было. Потом они сказали, что им нужно отойти в туалет, в кусты. И всё, как в воду канули. Час почти прождал — не вернулись. Наверное, испугались чего-то и домой в деревню смылись потихоньку. Дуры, что с них взять.

— Ну, скорее всего, — согласился я, хотя внутри шевельнулось странное, нехорошее предчувствие.

— Ладно, пошли спать по палаткам, — Михей поднялся и потянулся. — А то, когда эти полуночницы вернутся — одному богу известно. Завтра разбираться будем.

Я молча кивнул. Мы разошлись по своим местам. Ложась

на спальник, я еще долго всматривался в брезентовый потолок палатки, боясь закрыть глаза и снова увидеть черное гнилое лицо своей невесты. Но усталость взяла свое, и ближе к утру я все-таки заснул. На этот раз без сновидений.

Глава 3. Багровое гнездо

Утром я проснулся позже всех. Солнце уже стояло высоко над верхушками сосен, нещадно заливая поляну ярким, слепящим светом. Ночное предчувствие беды растаяло под утренними лучами, уступив место привычной, серой реальности.

Я лениво вылез из палатки, потягиваясь, и в ту же секунду мое сердце болезненно сжалось, а к горлу подкатил тяжелый, горький комок. Оля сидела на коленях у Коляна прямо возле догорающего кострища. Она звонко смеялась, закинув голову, а Колян что-то шептал ей на ухо, обнимая за талию. Они целовались у всех на виду, абсолютно счастливые.

Я замер на месте, чувствуя себя лишним на этом празднике жизни. Развернулся, ушел обратно в полумрак палатки и несколько минут просто сидел на спальнике, пытаюсь перевести дух и взять себя в руки. Нельзя показывать ребятам, как мне хреново. Выпрямив спину, я снова вышел наружу. Со всеми натужно поздоровался, налил себе в эмалированную кружку сотку водки, бахнул ее залпом и присел на бревно. Алкоголь обжег горло, но тупую боль в груди так и не заглушил.

— Ну, здорово, Андрюха! Как спалось-то на свежем воздухе? — ко мне подошел помятый, но как обычно бодрый Михей.

— Супер! Как младенец спал, — соврал я, даже не поморщившись.

— Короче, дело странное, — Михей присел рядом и понизил голос. — Представляешь, те дуры, Машка со Светкой, с которыми я вчера в кусты ушел, так и не объявились. Наверное, реально посреди ночи удрали домой в деревню. Испугались, что я их зажму.

— Точно придурочные, — согласился я, хотя в глубине души понимал: девчонки вряд ли пошли бы ночью через глухую чащу одни. — Смылись и смылись. Хрен с ними.

— Слушай, Андрюха, чего мы тут сидеть будем и на чужую любовь смотреть? Пошли вглубь чащи, грибы поищем, отвлечемся, — предложил друг.

Я был безумно рад этому предложению. Любой повод уйти подальше от Оли и Коляна сейчас казался мне спасением. Я подхватил старый нож, и мы углубились в сосновый бор.

— Так ты вчера от них вообще ничего не получил, что ли? — спросил я, когда лагерь скрылся за деревьями.

— Да говорю же тебе, они в туалет отошли и как сквозь землю провалились! — раздраженно отмахнулся Михей. — Я посидел, поорал их, да и пошел к костру.

Мы шли уже минут десять, лениво пиная сыроежки, как вдруг мой взгляд зацепился за что-то неправильное.

— Посмотри... Что это там такое? — я указал пальцем на узкую, заломленную ветку молодой березы метрах в двадцати от нас. На суку висел какой-то бледный лоскут.

— Да просто тряпка какая-то, грибники оставили, — буркнул Михей.

— Подожди, — предчувствие, заставившее меня ночью проснуться в холодном поту, вернулось с новой силой.

Я подошел ближе и осторожно снял ткань с сучка. Сердце пропустило удар.

— Ни фиги себе... Это они так от тебя удирали, что одежду рвали? — я протянул лоскут другу.

Михей взял ткань, покрутил в руках, и его лицо посерьезнело: — Это кусочек блузки Маши. Розовый, с люрексом. Она вчера в ней была...

— Посмотри на землю, Михей. Здесь какие-то следы.

Прямо под березой мох был глубоко разворочен. В сырой земле четко отпечатались огромные, глубокие вмятины. Это не был след человека, волка или кабана. Пять массивных пальцев с пугающе длинными, глубокими бороздами от когтей. Почва вокруг была словно залита какой-то липкой, сероватой слизью.

— Ого... Что за зверь здесь водится? — прошептал Михей, невольно оглядываясь по сторонам.

— Не знаю. Но следы ведут вон туда, в черничник, — я указал пальцем в сторону густого, заваленного буреломом кустарника.

— Ну что... посмотрим, что это за зверек? — в моем голосе смешались страх и глупое, упрямое любопытство одиннадцатиклассника.

— Ну, давай... — с явной неохотой согласился Михей, крепче перехватывая свою толстую палку.

Мы медленно шли по цепочке жутких следов уже минут двадцать. Лес вокруг становился все более диким, глухим и темным, сосны сменились густым ельником, который почти не пропускал солнечный свет. Вдруг следы оборвались на небольшой полянке. Мы остановились, оглядываясь и пытаясь понять, куда делось существо.

Я сделал шаг вперед, собираясь заглянуть за поваленный ствол ели. В ту же секунду земля под моими ногами с жутким треском провалилась. Я даже не успел вскрикнуть — полетел вниз, в полную темноту, и с глухим стуком упал на что-то мягкое, склизкое и пружинящее.

Вокруг царила абсолютная темень. Но самым страшным был запах — в нос ударила такая немыслимая, удушающая вонь гниющего мяса и падали, что меня едва тут же не вернуло наизнанку.

— Эй, Андрюха! Ты живой там?! — сверху, из пролома, донесся испуганный, приглушенный крик Михея.

— Да! Живой! Брось мне фонарик, быстро! — закашлявшись от смрада, заорал я в ответ.

Через секунду сверху прилетел тяжелый металлический фонарь. Я поймал его, щелкнул тумблером, направил луч света перед собой — и из моей груди вырвался дикий, истошный крик, перешедший в хрип.

Я лежал на куче гниющих, полуразложившихся тел. Из

темноты на меня смотрели пустые глазницы мертвых лесных животных, а чуть дальше, в глубине подземной хижины, чернели куски человеческой одежды. Вокруг этой горы мертвечины, ровными рядами уложенные, покоились огромные яйца. Размером со страусиные, но со странной, кожистой скорлупой багрового, неестественного оттенка. Внутри них, если присмотреться, в свете фонаря что-то шевелилось.

Я бросился назад к пролому, скользя по гнилому мясу, задыхаясь от ужаса и собственных слез. Я карабкался вверх как безумный. Если бы Михей не лег на край ямы и не схватил меня мертвой хваткой за шиворот, я бы ни за что не выбрался из этого ада.

Я вылетел на траву, кашляя и хватая ртом свежий воздух. Михей, лицо которого сделалось цвета свежей извести, выхватил у меня из рук фонарь и заглянул вниз, в черную дыру.

Буквально через секунду фонарик с грохотом выпал из его дрожащих пальцев и улетел на дно логова. Михей как ошпаренный отпрыгнул от дыры на несколько метров назад, его вырвало прямо на траву.

— Вот черт... Господи, вот черт... Что это?! — запричитал он, вытирая губы рукавом.

Я с трудом поднялся на ноги, чувствуя, как меня трясет крупной дрожью. Мой голос стал чужим, хриплым и сорванным:

— Бежим в лагерь. Быстро. Предупреждаем всех, хватаем вещи и уходим из этого леса. Нам нельзя здесь находиться...

Мы развернулись и словно бешеные, не разбирая дороги, рванули назад — туда, где остался наш класс.

Глава 4. Хозяева леса

Мы не бежали — мы неслись сквозь чащу на предделе человеческих возможностей, ломая ветки и не обращая внимания на хлеставшие по лицам колючие еловые лапы. Лес, еще утром казавшийся родным и гостеприимным, теперь словно сдавливал нас со всех сторон. Сердце колотилось где-то в горле, а перед глазами всё еще стояла жуткая картина подземного багрового гнезда.

На подходе к нашей поляне я вдруг услышал странный, тяжелый хруст. Он не был похож на треск сухой ветки под ногой человека. Это был хруст ломающихся крупных костей, сопровождаемый глухим, утробным чавканьем.

Я выставил руку вбок, намертво вцепившись в плечо Михея, и жестом приказал ему остановиться и замолчать. Михей замер, тяжело и хрипло дыша, его глаза округлились от подступающей паники. Опустившись на четвереньки, я бесшумно пополз вперед, пробираясь сквозь густой малинник у кромки лагеря.

То, что я увидел на поляне, выжжено в моей памяти каленым железом. Я не забуду этого до конца своих дней, даже если сойду с ума.

Прямо по центру разгромленного лагеря, среди порванных палаток и перевернутых вещей, сидело оно. Какая-то жуткая, доисторическая тварь размером с крупного взрос-

лого льва лениво доедала Коляна. Голова монстра отдаленно напоминала тигриную, но на ней совершенно не было кожи. Из оголенных, покрытых скользким сукровичным блеском багровых мышц на меня смотрели безумные, немигающие глаза желтовато-красного цвета. Мощные, массивные лапы заканчивались огромными когтями, которые с легкостью разрывали человеческую плоть. Всё тело существа было лишено кожного покрова — под тонкой прозрачной пленкой слизи перекачивались невероятно развитые, уродливые пласты мускулатуры. Тварь с хрустом перекусила предплечье Коляна и проглотила его, хищно слизывая кровь с обнаженных челюстей.

Вокруг кострища, в неестественных позах, в лужах густой крови лежали трупы остальных моих одноклассников. Я искал глазами Олю, но натыкался лишь на растерзанные, изуродованные тела тех, с кем еще вчера сдавал экзамены и смеялся в актовом зале.

Я просто оцепенел. Физически не мог издать ни звука, ни пошевелить пальцем, превратившись в камень. Разум отказывался воспринимать этот кошмар, выстраивая глухую стену психологического шока.

Вдруг из чащи на поляну бесшумно вышли еще около десятка таких же тварей. Они не рычали, двигались с пугающей, змеиной грацией. Слаженно, будто обученные солдаты, они принялись хватать зубами трупы моих бывших одноклассников за конечности и волочь их вглубь леса. Нас они

не заметили лишь потому, что ветер дул в нашу сторону, унося запах страха и свежего пота прочь от поляны.

Через несколько минут, когда жуткий караван скрылся в зарослях и чавкающие звуки затихли, ко мне наконец вернулся контроль над телом. Я судорожно отполз назад и бросился к оцепеневшему Михею. Схватив его за грудки, я зашептал прямо ему в лицо, срываясь на сиплый хрип:

— Бегом в лагерь. Хватаем какое-нибудь оружие и валим из леса. Быстро!

Мы рванули к уцелевшей палатке. Мои руки тряслись, но среди разбросанных вещей я успел нащупать свой нож — обычный, с прочным лезвием, подарок отца. Михей судорожно перехватил пальцами тяжелую деревянную битую, которую мы взяли играть в лапту. Оружие против таких монстров казалось смехотворным, но металл в руке вернул крохи рассудка.

Мы побежали прочь из леса, ориентируясь по солнцу в сторону деревни. Опушка была уже близко, сквозь стволы деревьев начали проглядывать светлые колхозные поля, как вдруг сзади, в густом черничнике, раздался тяжелый прыжковый хруст. Что-то стремительно шло по нашему следу.

Я обернулся на бегу и похолодел. Из кустов наперерез нам выскочила одна из этих тварей. Судя по размерам — чуть больше крупной овчарки — это был молодой детеныш, но его тигриная безкожая морда оскалилась в таком же плотоядном, адском изгибе.

Мы остановились на небольшой проплешине среди сосен. Бежать дальше не было никакого смысла — на открытом месте эта тварь догнала бы нас за пару секунд и перекусила хребты со спины. Нужно было принимать бой здесь.

Я перекинул нож в правую руку, крепче сжал рукоять и приготовился отразить атаку. Страх и отвращение куда-то исчезли, уступив место ледяному, звенящему холоду кровию. Внутри меня остался только чистый, первобытный инстинкт выживания.

Монстр замедлил ход, перейдя на осторожный шаг, припадая к земле и оценивая добычу. Затем, сократив расстояние до двадцати метров, он снова пошёл в бег, взрывая мощными когтями мох. Я не ожидал от него такой бешеной, молниеносной скорости.

Существо приблизилось на пять метров и взвилось в воздух, целясь мне прямо в горло.

Я едва успел рвануться вправо, уходя с траектории прыжка, и наотмашь полоснул тварь ножом по оголенному боку. Лезвие глубоко вошло в мышцы, брызнула темная, почти черная кровь. В свою очередь, монстр в полете успел зацепить меня — острые когти с треском порвали плотную ткань штормовки на плече, оставляя глубокие рваные раны. Но боли я не почувствовал: тело жило отдельно от меня — раненое плечо ныло где-то далеко, а в ушах стоял ровный, звенящий гул.

Противно было то, что противник, казалось, вообще не

чувствовал боли от ножевого ранения. Тварь развернулась на лапах и снова пошла в атаку. Монстр повторял этот прыжковый маневр несколько раз. С каждым моим выпадом на его теле появлялись все новые и новые глубокие разрезы, песок под нашими ногами окрасился черным. Но и я стремительно слабел: разорванное плечо сильно кровоточило, дыхание сбилось, а перед глазами начали плыть серые круги.

Всё это время Михей стоял чуть поодаль, вжавшись спиной в ствол сосны. Биту он так и не поднял — парень просто оцепенел от ужаса, парализованный видом чудовища, и не мог даже пошевелиться, безумно смотря в одну точку.

И вот мы с моим врагом снова замерли друг напротив друга. Я едва держался на ногах, нож скользил в окровавленной ладони. Я попытался хрипло позвать Михея на помощь, но из горла вылетело лишь невнятное сипение — друг не реагировал, оставаясь недвижимым изваянием.

Монстр снова глухо зарычал, присел на задние лапы, разгоняясь, и прыгнул на меня в последний, смертельный раз. По траектории полета я отчетливо видел: увернуться в сторону я уже просто физически не успею. Когтистые лапы летели прямо мне в лицо...

Глава 5. Граница

Когтистые лапы летели прямо мне в лицо. Я инстинктивно выставил левую руку вперед, зажмурившись и приготовившись к неминуемому удару, который должен был разорвать мне горло.

Вдруг оглушительный, раскатистый грохот выстрела разорвал лесную тишину.

Тварь дернулась в воздухе, ее прыжок неестественно прервался, и она с тяжелым плеском повалилась на траву, не долетев до меня буквально полметра. Из пробитого бока существа хлестала густая черная кровь. Я испуганно огляделся по сторонам, ловя ртом воздух, и увидел бегущего к нам мужчину. В руках он держал еще дымящуюся двустволку. Это был местный охотник.

— Что здесь происходит? — тяжело дыша, крикнул он, подбегая к нам и растерянно переводя взгляд с меня на вжавшегося в дерево Михея.

Но радоваться спасению было слишком рано. Из-за спины мужчины, прямо из густого папоротника, бесшумно поднялся раненый монстр. Охотничья дробь лишь разозлила его.

— Сзади! Берегись! — заорал я что есть мочи, срывая голос.

Мужчина обернулся, но было слишком поздно — тварь уже взвилась в яростном прыжке. Всё, что успел сделать

охотник, это выставить перед собой ружье. Сильный удар сбил его с ног. Мужчина повалился на спину, из последних сил удерживая оружие за приклад и ствол, блокируя уродливую тигриную морду прямо над своим лицом. Слизкие челюсти монстра клацали в паре сантиметров от его глаз, заливая камуфляж вонючей пенистой слюной.

Ужас отступил, уступив место бешеной ярости. Я подскочил к борющейся паре, навалился сверху и со всей дури, обеими руками, свой нож вогнал по рукоятку прямо в глазницу монстра. Тварь судорожно дернулась, выгнулась дугой и замерла, превратившись в тяжелую, бездыханную тушу.

Но я уже не мог остановиться. Рассудок окончательно помутился от пережитого кошмара. Обезумев от боли в разорванном плече, я принялся остервенело кромсать шею существа, пока полностью не отделил уродливую голову от тела. Мне нужен был трофей. Доказательство для тех, кто остался там, в деревне. Чтобы нам поверили.

Схватив мокрую от крови голову за жесткие усы, я помог подняться ошарашенному охотнику. — Бежим. Бежим отсюда, потом всё объясню! — я мертвой хваткой вцепился в куртку так и не пришедшего в себя Михея, и мы вдвоем бросились наутек к опушке.

Как только под ногами замелькала спасительная трава колхозного поля, силы окончательно покинули меня. В глазах потемнело, земля ушла из-под ног, и я потерял сознание.

Очнулся я уже в стерильной тишине больничной палаты.

Всё мое тело ломило, плечо было туго перебинтовано и зашито, повсюду тянулись трубки капельниц. Рядом на стульях сидели заплаканная мать, бледный отец и Михей. Лица родителей светились от счастья, что я остался жив. Дождавшись, пока врачи попросят родителей выйти в коридор, я повернулся к другу:

— Михей... Что вы сказали в ментовке насчет остальных ребят? Насчет Оли?..

Михей тяжело вздохнул, опустив глаза:

— Мы с охотником сразу пошли в участок. Рассказали всё как было. Понятное дело, дежурный решил, что мы обкурились или пьяные. Но как только я вытащил из брезентового мешка и швырнул прямо на стол эту жуткую безкожую голову... мент побледнел так, что фуражка на нём стала казаться чёрной. Он не позвонил в райотдел. Он позвонил в Минск. И звонил он не в милицию.

— А куда? — я сглотнул.

— Не знаю. Кому-то, кто сказал только одно: молчите. Ни слова родителям ребят, ни слова журналистам. Наутро за опушкой уже стояли машины — чёрные «уралы», без номеров и без знаков. Люди из них были в сером. Не военные даже — просто серые. Они поставили посты на всех просёлках и объявили одно: Антоновский лес объявлен заповедником. Вход запрещён.

Я ждал репортажа в новостях. Ждал три дня. В новостях

крутили посевную, политику и погоду — ни слова про лес. Имена ребят не появились ни в списках погибших, ни в списках пропавших без вести. Их как будто никогда и не было. Только в школе над доской объявлений неделю висели сухие венки, а потом их сняли — тоже молча.

Прошло три месяца. Раны на моем плече затянулись, превратившись в уродливые багровые шрамы, но раны в душе не заживут никогда. Мы с Михеем поступили в один и тот же институт. За лето через деревню один раз проехал закрытый фургон, а перед самыми заморозками я видел на опушке бабку из Хвоенска — она долго смотрела на посты оцепления и крестилась, бормоча: «Двоедушники проснулись. Лес теперь их». Я и Михей больше не ходим в лес. Мы знаем: ЛЕС — ЭТО ИХ ТЕРРИТОРИЯ. Нам туда нельзя!!!

КОНЕЦ

.....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.